

Из блокнота театрала

Ш И Н Е Л Ь

Восп. Москва - 1990 - 28 ноября

Это было незадолго до смерти Константина Михайловича Симонова. В журнале «Театральная жизнь» был напечатан мой небольшой рассказ, имевший отношение к писателю. Буквально через несколько дней после этого я получил неожиданно для себя бандероль с книгой Симонова и дарственной надписью. Как это было похоже на Симонова, его внимание даже к неизвестному ему человеку.

Сегодня ему исполнилось бы 75 лет, но, к сожалению, его уже давно нет с нами. Публикуемый ниже рассказ — благодарная память о Константине Михайловиче.

После смерти народного артиста СССР Ивана Николаевича Берсенева писатель и драматург Симонов написал о нем свои воспоминания.

Хотя между ними была существенная разница в годах, оба испытывали духовную близость — такую, что если и встречается между людьми, то всегда является показателем значительности того и другого. Их дружба цементировалась тем творческим началом, которое содержалось в них в одинаковой степени. Цемент стойкости отношений был замешен еще в пору постановки Берсеневым пьесы Симонова «Парень из нашего города» на сцене Театра имени Ленинского комсомола, художественным руководителем которого был замечательный режиссер.

Иван Николаевич первым оценил, каким важным свидетельством человеческого мужества, отваги и стойкости явилась во многом юношеская пьеса «Парень из нашего города». Юными были автор, исполнители, герои пьесы. Только режиссер-постановщик был постарше. Сам он, как ни упрашивал драматурга, отказывался выступить в этом спектакле в роли комбрига Васнецова.

— Не могу, Константин Михайлович, — мягко отговаривался Берсеньев, — подумайте, сколько у режиссера дел. Занят по горло. А еще самостоятельную роль готовить? Это, знаете, как будет выглядеть? Как полдела. Можно ли делать что-то наполовину?

— Ну ничего, — выговаривал Си-

монов, — вот напишу роль специально для вас. Никуда не денетесь. — Если специально... — разводил руками Берсеньев.

После той встречи жизненные дороги надолго развели их. Только в 1944 году Театр имени Ленинского комсомола возвратился из эвакуации в Москву. С фронта приехал в столицу и Симонов в краткую командировку.

— Пьеса готова? — напомнил Иван Николаевич при встрече.

— Будет готова, — заверил Константин Михайлович.

— Когда же? — по тону чувствовалось, что Иван Николаевич проявлял нетерпение.

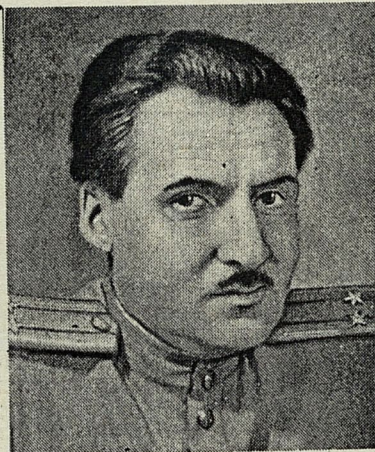
— До конца моей командировки вы ее получите, — сказал Симонов, и глаза его повеселели. — Только напоминаю: хотите — ставьте, хотите — не ставьте, но роль полковника Савельева в ней — ваша.

— Все драматурги одинаковые, привыкли условия ставить, — притворно недовольным тоном произнес Берсеньев.

Однако глаза его выдавали. По ним можно было прочесть, что он с нетерпением ждет себе роли в давно обещанной симоновской пьесе.

Иван Николаевич знал поразительную работоспособность друга, но даже он удивился, когда спустя неправдоподобно короткое время Константин Михайлович появился в театре и положил на режиссерский стол рукопись.

«Так и будет», пьеса в трех действиях, шести картинах», — значи-

лось на титульном листе.

Берсеньев не спешил листать рукопись. Он пытался прежде всего осмыслить название. «Так и будет». Что должно было быть?

Симонов будто угадал его вопрос и сказал вслух:

— Человек должен быть счастливым. И будущее должно быть счастливым, несмотря на то, что сегодня еще война. Так и будет! Да, человек живет, воюет, чтобы быть счастливым!

— Драма? — спросил Иван Николаевич.

— Лирическая драма, — уточнил Константин Михайлович.

— Ну что же, почитаем. Такая пьеса нам позарез нужна. А какую роль вы предлагаете мне?

Взгляды их встретились. В глазах Симонова загорелись веселые огоньки.

— Разберетесь, надеюсь, — и стал застегивать шинель.

Конечно же, Берсеньев «разобрался», что к чему. Ему предназначалась роль полковника Савельева. Чем больше он о ней думал, тем меньше всего представлял своего героя военным, в одежде полковни-

ка. Он, конечно, не был «военной косточкой». Наоборот, герой рассуждает, что ему «штатское вообще больше идет», как и всем людям, всему человечеству.

Пьеса была принята, и театр готовил премьеру. В театральной мастерской Берсеньеву сшили для роли полковника Савельева шикарную шинель. Даже пуговицы на ней отливали золотым блеском. Да только, когда артист надевал ее, испытывал странное чувство. Не мог приспособиться к новой вещи, даже неловко поеживался.

В один из дней в театр заглянул Константин Михайлович. Берсеньев какое-то время присматривался к бравому его виду, потом вдруг неожиданно попросил:

— Разрешите примерить вашу шинель.

— Пожалуйста.

Иван Николаевич застегнулся, надел портупею, затянул пояс — точно так, как это проделывал Симонов. Все время их встречи Берсеньев так и оставался в симоновской шинели.

— Ну я пошел, — сказал драматург и стал ждать, когда Иван Николаевич снимет его шинель.

— Меняемся? — спросил неожиданно Берсеньев, и была в его голосе утвердительная нота; вопрос был риторический.

— Зачем вам, Иван Николаевич, моя старая, пообтертая шинель? У вас ведь вон какая новенькая, чистенькая.

— В том-то и дело, что чистенькая. Мне ваша шинель по плечу. Она какая-то обжитая. Другого слова не нахожу. В ней легче чувствовать себя вернувшимся с фронта, усталым, много пережившим на войне человеком, как это выпало на долю Савельева. — И тоном, не допускающим возражений, с твердостью заключил: — Буду выступать только в вашей шинели...

Писателю, подполковнику Константину Михайловичу Симонову не оставалось ничего другого, как снимать по одной звездочке с погон новой полковничьей шинели.

Дмитрий БРУДНЫЙ.

28/11-90

Симонов К. М.

35